

Ричард Овенден

СОЖЖЕНИЕ КНИГ

ИСТОРИЯ
УНИЧТОЖЕНИЯ
ПИСЬМЕННЫХ ЗНАНИЙ
ОТ АНТИЧНОСТИ
ДО НАШИХ ДНЕЙ

Ричард Овенден
Сожжение книг.
История уничтожения
письменных знаний от
античности до наших дней

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67723535
Сожжение книг. История уничтожения письменных знаний от
античности до наших дней: Питер; СПб; 2022
ISBN 978-5-4461-2983-6

Аннотация

На протяжении всей своей истории люди не только создавали книги, но и уничтожали их. Полная история уничтожения письменных знаний от Античности до наших дней – в глубоком исследовании британского литературоведа и библиотекаря Ричарда Овендена.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Осторожно: книгоцид	5
Введение	10
Глава 1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Ричард Овенден
Сожжение книг.**

**История уничтожения
письменных знаний от
античности до наших дней**

© Richard Ovenden, 2020

© Перевод на русский язык ООО «Прогресс книга», 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Прогресс книга», 2022

* * *

Осторожно: книгоцид

Спрашиваю: «Нравится?» – «Хорошо», – сказал Блок, а потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли».

Из воспоминаний Владимира Маяковского

...Легенда гласит, что однажды к всемогущему царю Рима Тарквинию Гордому подошла дряхлая старуха-чужестранка, которая предложила ему купить за колоссальную сумму девять книг. Царь со смехом отказался, и тогда старуха на глазах правителя сожгла три из них. А затем предложила купить оставшиеся шесть за ту же цену. Тарквиний решил, что старуха сошла с ума, после чего женщина сожгла еще три книги и вновь повторила свое предложение. И тут царь испугался. За оставшиеся книги он велел заплатить незнакомке столько же золота, сколько она просила за девять, и долгие века книги пророчицы Сивиллы помогали Риму находить мудрое решение в самых невероятных ситуациях. В 405 году по приказу узурпатора Стилихона три Сивиллины книги были уничтожены – а 4 сентября 476 года Римская империя пала. Возможно, именно потому, что не было больше чудесного источника мудрости, так долго спасавшего Вечный город.

Конечно, это всего лишь легенда. Однако мысль о том, что утрата книг способна привести к фатальным последствиям, существует столько же, сколько сами книги. Рукописи, к со-

жалению, горят, что бы там ни говорил известный персонаж Булгакова: из восьмидесяти пьес Эсхила сегодня известно лишь семь. Из девяноста восьми трагедий Еврипида – девятнадцать, и этот печальный список можно продолжать так долго, что только перечисление займет не один том. Автор исследования, которое мы представляем на суд читателя, не смог «объять необъятное», сосредоточившись на тех проявлениях книгоцида, которые по тем или иным причинам показались ему наиболее яркими.

В том, что касается книг, Ричард Овенден – настоящий фанатик. Больше того: он жрец книг, вершащий таинства в своем храме – Бодлианской библиотеке Оксфордского университета, которой руководит с 2014 года. Овенден – единственный библиотекарь, удостоенный за свою профессиональную деятельность Ордена Британской империи.

Всю свою жизнь Овенден посвятил служению тому, что сам он определяет как «сохранение записанных знаний». Кажется бы, сегодня, в цифровой век, когда благодаря интернету любая информация доступна практически мгновенно, бумажные библиотеки утрачивают свою актуальность, однако для Ричарда Овендена это далеко не так. Напротив: чем дальше продвигаются новые технологии, тем важнее сохранить старые собрания. Ведь интернет не только плодит ложную информацию, так называемые фейки, которые очень сложно отличить от истины, но и контролируется крупными корпорациями, имеющими свои резоны исказить и дозиро-

вать информацию. Именно поэтому так важно сохранение бумажных книг как эталона истины в специально создаваемых хранилищах – библиотеках.

Понимание этого факта пришло не в последние десятилетия: практически одновременно с появлением письменности появились и те, кто желал уничтожить записанные знания. Начиная с Хеттского царства, с Ниневии и Ассирии всегда находились те, кто хранил знания, и те, кто по разным причинам пытался им в этом помешать. Этому противостоянию, насчитывающему уже не одно тысячелетие, Овенден и посвящает свой труд.

Библиотека Ашшурбанипала и Александрийская библиотека, библиотеки аббатства Гластонбери и Конгресса США, тамильская библиотека в Джафне и многие другие в разное время испытали на себе всепожирающее пламя книгоцида. Костры из книг на площадях средневековой Европы ничем не отличались от костров, пылавших в нацистской Германии или современном Ираке. Многие шедевры, многие бесценные исторические свидетельства прошлого оказались утрачены для человечества навсегда. «Неугодные» книги продолжают сжигать и сегодня, причем даже в государствах, которые принято считать цивилизованными.

Обо всем этом Ричард Овенден, жрец книжного храма, и написал свою книгу. Написал для тех, кто разделяет его ценности и его стремление сохранить «записанное знание».

Разумеется, взгляд автора – это взгляд с Запада. Овенден,

к сожалению, практически не затрагивает в своем исследовании российскую историю, множество драматических событий которой сопровождалось сожжением книг.

Еще в «Кормчей книге» конца XIII века предписывается уничтожать огнем «еретические писания». Огромное количество древнерусских рукописей погибло в ходе ордынского нашествия. Сожжением книг сопровождалась походы Ивана III на Новгород и борьба с «раскольниками»-старообрядцами. Сгинула без следа таинственная библиотека Ивана Грозного, по слухам, таившая в себе множество сокровищ. В огне Большого московского пожара 1812 года погибло множество уникальных книжных собраний, в том числе библиотека А. И. Мусина-Пушкина, содержащая единственный оригинальный список «Слова о полку Игореве».

После Октябрьской революции по приказу жены Ленина, Надежды Крупской, возглавившей Главполитпросвет, из библиотек массово изымались для уничтожения книги Платона, Канта, Шопенгауэра, Аксакова, Лескова как «идеологически вредной и устаревшей» литературы. По словам самой Крупской, это начинание встретило такое сопротивление, что «в некоторых губерниях потребовалось вмешательство ГПУ». И разумеется, колоссальный ущерб национальным книжным коллекциям был нанесен во время Великой Отечественной войны: в частности, по данным исследователей, погибло 83 % всех книжных собраний Белоруссии.

Отдельно необходимо сказать о гибели книг в ходе кон-

фликтов на постсоветском пространстве. Так, в 1992 году прогрузинскими ополченцами был сожжен сухумский архив, в 1994–1995 годах были практически полностью уничтожены библиотеки в Грозном и ряде других городов Чеченской Республики...

Но всегда находятся и те, кто, рискуя собственной жизнью, встает на пути у фанатиков с факелами. Неслучайно на латыни слово *liber* означает и «книга», и «свобода».

*Аркадий Рух,
литературовед*

* * *

Посвящается Лин

* * *

*Там, где сжигают книги, впоследствии сжигают
и людей.
Генрих Гейне, 1823 г.*

*Кто не помнит своего прошлого, обречен
пережить его вновь.
Джордж Сантаяна, 1905 г.*

Введение

Десятого мая 1933 года в Берлине на Унтер-ден-Линден, важнейшей столичной магистрали, пылал костер. Место это было крайне символичным – напротив университета, по соседству с собором Святой Ядвиги, Берлинской государственной оперой, Королевским дворцом и прекрасным военным мемориалом Карла Фридриха Шинкеля. Под взглядами ликующей сорокатысячной толпы к костру торжественным маршем прошла группа студентов, неся бюст еврейского мыслителя Магнуса Хиршфельда (основателя новаторского Института сексуальных наук). Распевая «Feuersprüche», или «огненные речевки», они швырнули бюст поверх тысяч томов из институтской библиотеки, за которыми последовали книги еврейских и прочих «ненемецких» писателей (среди которых особо выделялись геи и коммунисты), конфискованные из книжных магазинов и библиотек. Вокруг костра рядами стояли юноши в нацистской форме, вскинув руки в гитлеровском приветствии. Студенты стремились завоевать расположение нового правительства, и данное сожжение книг являлось тщательно спланированной публичной акцией [1]. Йозеф Геббельс, новый министр пропаганды Гитлера, выступил в Берлине с воодушевляющей речью, широко распространившейся по всему миру:

*Нет – упадочничеству и моральному разложению!
Да – приличиям и морали на уровне семьи и
государства!.. Немец будущего станет не книжным
червем, но человеком с сильным характером. Именно
с этой целью мы хотим вас обучать... Вы правильно
поступаете, предавая огню злой дух прошлого. Это
здоровое, великое и символическое деяние.*

В ту ночь похожие сцены произошли еще в девяноста местах по всей стране. Хотя многие библиотеки и архивы в Германии остались нетронутыми, костры из книг стали отчетливым предупреждением об атаке на знания, которую намеревался развернуть нацистский режим.

Знания до сих пор находятся под угрозой. Упорядоченные хранилища информации сегодня подвергаются атаке точно так же, как подвергались ей на протяжении всей истории. Долгое время общество доверяло сохранение знаний библиотекам и архивам, но и сейчас эти организации сталкиваются с многочисленными опасностями. Они становятся целью для отдельных людей, группировок и даже государств, стремящихся отрицать истину и искоренить прошлое. Вместе с тем библиотеки и архивы страдают от снижающегося уровня финансирования. Нехватка средств сочетается с растущей мощностью технологических компаний, которые, по сути, приватизировали хранение и передачу информации в цифровой форме, переводя часть функций финансируемых обществом библиотек и архивов в коммерческую плос-

кость. Мотивы, которыми руководствуются эти компании, во многом отличаются от мотивов организаций, традиционно предоставлявших обществу доступ к знаниям. В чем смысл библиотек, если компании, подобные Google, оцифровали миллиарды книжных страниц, сделав их доступными в Сети, и если фирмы, подобные Flickr, предоставляют бесплатное место в сетевом хранилище?

Как только общество теряет контроль над информационными потоками, демократические институты, власть закона и открытость общества немедленно оказываются под угрозой. Атаке подвергается сама истина. В этом, естественно, нет ничего нового. Джордж Оруэлл описал подобный сценарий в романе «1984», и сегодня, когда мы задумываемся о роли библиотек и архивов в защите открытого общества, слова эти звучат горьким пророчеством: «Есть правда и есть неправда, и если ты держишься правды, пусть наперекор всему свету, ты не безумен» [2]. Библиотеки и архивы обрели главную роль в поддержке демократии и власти закона, ибо именно они существуют для того, чтобы «держаться правды».

В январе 2017 года прозвучало знаменитое предположение советника президента США Келлиэнн Конуэй о возможном существовании «альтернативных фактов». То был ее ответ на критику утверждения Трампа, будто на церемонии его инаугурации присутствовало больше народа, чем на аналогичной церемонии Барака Обамы пятью годами раньше, хо-

тя фотографии и данные свидетельствовали об обратном [3]. Весьма своевременное напоминание о том, что сохранение информации продолжает оставаться ключевым инструментом защиты открытого общества. Защита истины от волны «альтернативных фактов» означает фиксацию этой истины, а также отрицающих ее утверждений, в результате чего формируются ориентиры, которым общество может доверять и на которые полагается.

Библиотеки критически важны для здорового функционирования общества. Я проработал в библиотеках более тридцати пяти лет, но пользуюсь ими намного дольше и вижу всю ту ценность, которую они несут. К написанию этой книги меня подтолкнуло мое собственное чувство гнева, вызванное недавно произошедшими в разных частях света – как преднамеренно, так и случайно – попытками поставить под сомнение факт, что общество может полагаться для сохранения информации на библиотеки и архивы. Атаки на них, повторяющиеся в течение столетий, нуждаются в изучении как тревожная тенденция в человеческой истории, а невероятные усилия, которые прилагают люди для защиты знаний, достойны восхваления.

О важности архивов свидетельствует открывшийся факт, что миграционные карты, документирующие прибытие в Великобританию «поколения Windrush¹», были преднамерен-

¹ Имеются в виду гастарбайтеры, прибывшие в период 1948–1973 годов в рамках специальной правительственной программы по привлечению рабочей силы

но уничтожены министерством внутренних дел в 2010 году. Правительство также начало следовать политике «враждебного окружения» в отношении иммиграции, которая требовала от мигрантов «поколения Windrush» доказать свое непрерывное пребывание в стране или быть депортированными [4]. Им, однако, было гарантировано гражданство по британскому закону 1948 года, и они добросовестно прибыли в Соединенное Королевство, испытывавшее серьезный недостаток в рабочей силе после Второй мировой войны. К весне 2018 года министерство внутренних дел признало неправомочность депортации по крайней мере восьмидесяти трех таких граждан, одиннадцать из которых к тому времени умерли, что вызвало возмущение общественности.

Меня потрясла абсурдность политики, спровоцированной и агрессивно продвигаемой правительственным департаментом (во главе с Терезой Мэй, успевшей стать премьер-министром к тому моменту, когда ситуация получила огласку), в результате которой оказалось уничтожено главное свидетельство, позволявшее многим доказать свое гражданство [5]. Хотя решение уничтожить записи было принято до введения политики в действие и, вероятно, не являлось злонамеренным, это явно сыграло на руку министерству внутренних дел с его крайне негативным отношением к мигрантам.

из стран Британского Содружества (НМТ «Empire Windrush» – название корабля, на котором прибыла их первая партия). – Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

В своей публицистической статье в «Financial Times» [6] я отмечал, что сохранение информации подобного рода жизненно важно для открытого здорового общества, как, по сути, оно было важно с самого начала нашей цивилизации.

С тех пор как человечество начало объединяться в организованные сообщества, требовавшие общения друг с другом, происходило накопление знаний и запись информации. Насколько нам известно, в самых ранних обществах это осуществлялось в виде устных преданий, и единственные сохранившиеся записи дошли до нас в форме изображений на стенах пещер или выбитых на камнях символов. Мы ничего не знаем о том, что побуждало людей оставлять эти знаки; антропологи и археологи могут лишь строить основанные на тех или иных предположениях догадки.

К началу бронзового века сообщества стали более организованными и сложными. Группы кочевников постепенно переходили к оседлости, образуя земледельческие общины, внутри которых складывалась своя иерархия с правящими семьями или племенными вождями, стоящими над остальными.

Примерно с III тыс. до н. э. эти сообщества начали вести записи. Именно из древнейших архивов и найденных в них документов нам известно удивительное множество подробностей о функционировании тогдашнего общества [7]. В других документах люди начали фиксировать свои мысли, идеи, наблюдения и рассказы, сохранившиеся в древнейших

библиотеках. Данный процесс упорядочения знаний вскоре потребовал развития специализированных умений, в том числе записи информации и технологий ее копирования. Со временем это привело к возникновению профессий, в широком смысле схожих с профессиями библиотекаря или архивариуса. Слово «библиотекарь» происходит от греческого слова *biblothēke*, означающего «хранилище книг», а термин «архивариус» – от латинского *archivum*, которое относится как к самим записям, так и к месту, где они хранятся. Своими корнями это слово восходит к греческому *archeia*, означающему «публичные документы». Поводы для создания библиотек и архивов отличались от тех, что имеют место в современном мире, и опасно проводить аналогии между древними и нынешними собраниями. Но даже при всем при этом тогдашние цивилизации создали огромную массу информации и разработали средства для ее упорядочения, многими из которых, такими как каталоги и метаданные, мы пользуемся и поныне [8].

Роли библиотекаря и архивариуса часто сочетались с другими, к примеру священника или администратора, становясь более заметными в Древней Греции и Риме, где библиотеки были в большей степени доступны для публики, откуда и начала распространяться вера в доступ к знаниям как неотъемлемый элемент здорового общества [9]. Сохранился перечень имен тех, кто занимал должность главного библиотекаря Александрийской библиотеки в III и II веках до н. э.;

многие из них, такие как Аполлоний Родосский (чья эпическая поэма о Ясоне и Золотом руне вдохновила Вергилия на написание «Энеиды») и Аристофан Византийский (изобретатель одной из древнейших разновидностей пунктуации) также известны как ведущие ученые своего времени [10].

Хранилища знаний являлись центрами развития обществ с момента их возникновения. Хотя технологии создания информации и ее сохранения радикальным образом изменились, их основные функции практически остались прежними. В первую очередь библиотеки и архивы накапливают, упорядочивают и сохраняют знания. Посредством даров, обменов и приобретений они собирали таблички, свитки, книги, журналы, рукописи, фотографии и многие другие документальные свидетельства цивилизации. Сегодня к ним добавились цифровые форматы, от созданных в текстовых процессорах файлов до электронных писем, интернет-страниц и социальных сетей. В древности и Средневековье работа по организации библиотек имела религиозный подтекст; архивы древних царств Месопотамии часто хранились в храмах, а король Франции Филипп II Август основал «Trésor des Chartes» (сокровищницу хартий). Она стала первым «передвижным» собранием, но к 1254 году стала храниться в специально для этого построенных помещениях в часовне Сен-Шапель в Париже.

Разрабатывая и публикуя свои каталоги, предоставляя читальные залы, спонсируя науку, публикуя книги, организуя

выставки, а в последнее время переводя информацию в цифровую форму; библиотеки и архивы стали частью более широкого процесса распространения идей. Создание национальных библиотек с XVIII века и публичных библиотек с XIX века резко усилило роль, которую эти организации играли в меняющемся обществе.

В основе ее лежит идея сохранения знаний. Информация может быть уязвимой, хрупкой и нестойкой. Папирус, бумага и пергамент легко воспламеняются. Столь же легко может повредить их и вода, а также вызванная высокой влажностью плесень. Книги и документы могут быть похищены, повреждены и подделаны. Еще более мимолетным может стать существование цифровых файлов вследствие технологического устаревания, нестабильности магнитных носителей и уязвимости любой информации, размещенной в Сети. Как известно любому, кто встречал в Сети несуществующую ссылку, доступ к информации может исчезнуть, если ее не сохранить.

Архивы – нечто иное, нежели библиотеки. Библиотеки являются собраниями знаний, создававшимися книга за книгой, зачастую с великой стратегической целью, в то время как архивы документируют непосредственно действия и процессы принятия решений организациями, администрациями и даже правительствами. Библиотеки часто тоже хранят некоторые материалы подобного рода – к примеру, пе-

чатный «Journal of the House of Commons»², – но архивы по самой своей природе полны материалов, зачастую вполне приземленного характера, не предназначенных для чтения массовой аудиторией. В то время как библиотеки имеют дело с идеями, амбициями, открытиями и грезами, архивы подробно описывают рутинные, но жизненно важные детали повседневного бытия: землевладение, импорт и экспорт, протоколы комиссий и налоги. Часто важной их составляющей являются всевозможные списки, и неважно, списки ли это учтенных в переписи населения граждан или прибывших на корабле иммигрантов. Архивы находятся в самом сердце истории, фиксируя воплощение идей и мыслей, которые могут быть описаны в той или иной книге.

Естественно, есть и обратная сторона – значимость книг и архивных материалов осознают не только те, кто желает защитить знания, но и те, кто желает их уничтожить. Библиотеки и архивы подвергались атакам на протяжении всей истории. Порой библиотекарям и архивариусам приходилось рисковать жизнью и умирать ради сохранения информации.

Я намерен исследовать ряд ключевых эпизодов в истории, чтобы подчеркнуть различные мотивы для разрушения хранилищ знаний и те методы, которые выработали профессионалы, чтобы этому противостоять. Отдельные случаи, которым я уделяю особое внимание (я мог бы выбрать и десятки других), кое-что говорят нам о том периоде, когда происхо-

² «Журнал палаты общин».

дили события, и увлекательны сами по себе.

Мотивация государств, продолжающих уничтожать историю, будет рассматриваться в контексте архивов. Поскольку все больше информации создается в цифровом виде, будут изучены те проблемы, которые создает эта реальность для сохранения знаний и здоровья открытого общества. Книгу завершит ряд предложений насчет того, как лучше поддержать библиотеки и архивы в текущей политической и финансовой ситуации, а в Заключении будут перечислены пять функций, которые осуществляют в обществе эти организации, чтобы подчеркнуть их ценность, – в том числе для тех, кто находится во власти.

Библиотеки и архивы сами ежедневно уничтожают информацию. От дубликатов книг обычно избавляются, когда требуется лишь один экземпляр. Небольшие библиотеки часто включаются в состав более крупных, что приводит к обеспечению сохранности информации за счет средств последних, но иногда, случайно или преднамеренно, пропадают уникальные материалы. Архивы зачастую проводят оценку хранящихся в них документов, решая, что оставить, а от чего избавиться. Не все можно и нужно хранить. Хотя историкам это порой может показаться чудовищным и непостижимым, сама идея, что сохранять следует любой документ, экономически несостоятельна. Большая часть информации, уничтоженной в подобном процессе, уже хранится где-то еще.

Процесс отбора, приобретения и каталогизации, так же как уничтожения и сохранения, никогда не бывает беспристрастным. Его проводят люди, работающие в условиях своего общества и времени. Книги и журналы, которые стоят сегодня на библиотечных полках или доступны благодаря цифровым библиотекам, или документы и папки, хранящиеся в архивах, находятся там благодаря участию людей. А ведь люди практически никогда не бывают непредвзятыми, беспристрастными и объективными. В собраниях большинства библиотек и архивов имеются крупные пробелы, «белые пятна», часто серьезно ограничивающие доступ к историческим сведениям об отношении, например, к людям с другим цветом кожи или женщинам. Читателям этой книги точно так же рекомендуется учитывать исторический контекст и помнить, что в прошлом люди вели себя иначе.

Изучая историю библиотек и то, как их собрания эволюционировали со временем, мы во многом знакомимся с историей о выживании знаний как таковых. Каждую отдельную книгу, ныне существующую в этих учреждениях, и все собрания, вместе образующие более крупные массивы информации, можно отнести к числу выживших.

До пришествия цифровой эры у библиотек и архивов имелось давно апробированное средство сохранения своих собраний: бумага. Организации делили ответственность с читателями. Все новые пользователи Бодлианской библиотеки, к примеру, до сих пор обязаны принести формальную клят-

ву «не вносить в библиотеку и не зажигать в ней огонь», и этой традиции уже более четырех столетий. Основу стратегии сохранности составляют неизменные уровни температуры и относительной влажности, защита от наводнений и пожаров, хорошо организованное размещение на полках. Цифровая информация по самой своей сути менее устойчива и требует намного более упреждающего подхода, причем не только к самим технологиям (таким как форматы файлов, операционные системы и программное обеспечение). Проблему усиливает широкое распространение сетевых сервисов, предоставляемых крупными технологическими компаниями, особенно из мира социальных сетей, для которых сохранение информации – исключительно вопрос коммерции.

По мере того как все больше и больше мировых знаний размещается в Сети, мы, по сути, отдаем их на откуп крупным технологическим компаниям, которые теперь контролируют интернет. Фраза «искать информацию» когда-то означала поиск в указателе напечатанной книги или нужной алфавитной статьи в энциклопедии или словаре. Теперь это означает просто ввести в поисковую строку слово, термин или вопрос, а затем предоставить остальное компьютеру. Когда-то общество ценило тренировку личной памяти, даже разрабатывало замысловатые упражнения для лучшего запоминания. Те дни миновали. В удобстве интернета, однако, есть опасность, поскольку нашу цифровую память в огромной степени контролируют крупные технологические компа-

нии. Некоторые организации, в том числе библиотеки и архивы, прилагают немалые усилия, чтобы вернуть себе контроль посредством независимо хранящих информацию сайтов, записей в блогах, социальных сетей, даже электронных писем и других персональных цифровых собраний.

«Мы тонем в информации, но страдаем от недостатка знаний», – отмечал Джон Несбитт еще в 1982 году в своей книге «Megatrends» [12]. С тех пор возникла концепция «цифрового изобилия», помогающая понять один важный аспект цифрового мира, о котором мне часто приходится задумываться в моей повседневной жизни библиотекаря [13]. Объем цифровой информации, доступной любому пользователю с компьютером и интернетом, чрезвычайно велик – слишком велик, чтобы его можно было постичь. У библиотекарей и архивариусов вызывает глубокую озабоченность вопрос, как вести эффективный поиск среди всей массы доступных знаний [14].

Цифровой мир полон противоречий. С одной стороны, создавать информации сегодня как никогда просто, так же как копировать тексты, изображения и другие ее формы. Хранение цифровой информации в больших объемах теперь не только возможно, но и удивительно дешево. Однако хранение – не то же самое, что сохранение. Знания, сохраненные посредством сетевых платформ, рискуют быть утраченными, поскольку цифровая информация крайне уязвима. Она легко может быть как заброшена, так и преднамеренно

уничтожена. Еще одна проблема состоит в том, что информация, которую мы создаем в процессе своей повседневной деятельности, невидима для большинства, но ею можно манипулировать, используя против общества ради коммерческой или политической выгоды. Уничтожение ее может стать желаемым краткосрочным выходом для многих, кого тревожит вторжение в частную жизнь, но в конечном счете это может нанести обществу ущерб.

Мне повезло работать в одной из крупнейших библиотек мира. Формально основанная в 1598 году и впервые открытая для читателей в 1602 году Бодлианская библиотека³ в Оксфорде продолжает существовать и поныне. Работая в подобной организации, я постоянно имею дело с достижениями библиотекарей прошлого. Сегодня Бодлианская библиотека имеет в своем собрании свыше 13 миллионов печатных томов, а также многие мили рукописей и архивов. Ее обширное собрание включает в себя миллионы карт, нот, фотографий, изданий-однодневок и многое другое, в том числе петабайты цифровой информации: журналы, базы данных, изображения, тексты, электронные письма. Все эти собрания размещены в сорока зданиях, построенных начиная с XV и заканчивая XXI веком, история которых сама по себе не менее увлекательна.

В собрании Бодлианской библиотеки есть первое изда-

³ Бодлианская библиотека, или библиотека Бодли в Оксфордском университете, – одна из старейших и крупнейших библиотек мира. – *Примеч. науч. ред.*

ние пьес Шекспира (1623), Библия Гутенберга (ок. 1450), а также рукописи и документы со всего мира – к примеру, составленная Селденом карта Китая позднего периода Мин или иллюминированный шедевр «История Александра Великого» XIV века. С каждым из этих экземпляров связана своя увлекательная история о том, как они пережили века, прежде чем оказаться на полках. Фактически это собрание собраний – и истории о том, как эти собрания там оказались, помогли создать библиотеке ее славу за последние 400 лет [15].

На мое собственное образование вплоть до восемнадцатилетнего возраста во многом повлияла возможность пользоваться публичной библиотекой моего родного города Дил. Именно в этом здании я открыл для себя радость чтения. Все началось с бегства от реальности посредством научной фантастики (в особенности Айзека Азимова, Брайана Олдисса и Урсулы К. Ле Гуин). Затем я стал читать Томаса Харди и Д. Х. Лоуренса, а также зарубежных авторов: Германа Гессе, Гоголя, Колетт и многих других. Узнав, что в библиотеке можно брать виниловые пластинки, я обнаружил, что классическая музыка состоит не только из увертюры Чайковского «1812 год», что есть еще и Бетховен, Воан-Вильямс, Моцарт. Я мог читать «серьезные» газеты и литературное приложение к «Times». И все это бесплатно – что имело немало важное значение, поскольку моя семья была небогата и денег на покупку книг не хватало.

Библиотекой, как тогда, так и сейчас, заведовало местное правительство. Доступ к большей части ее услуг бесплатен и финансируется из местных налогов на основе положений, впервые введенных в Акте о публичных библиотеках 1850 года. В то время ряд политиков выступал против подобной идеи. Пока закон проходил через парламент, представитель консервативной партии полковник Сибторп скептически высказывался о важности чтения для рабочего класса на том основании, что сам он «вообще не любил читать, а когда учился в Оксфорде, терпеть этого не мог» [16].

Введенная данным законом система публичных библиотек заменила собой мешанину из дарственных книжных собраний, приходских библиотек, книжных полок в кофейнях, рыбацких читален, а также библиотек по подписке и книжных клубов, являвшихся продуктом «эпохи развития» и концепции «полезных знаний». Этот термин вырос на почве идей XVIII века. В 1767 году группа выдающихся личностей, включая Бенджамина Франклина, основала Американское философское общество для «продвижения полезных знаний». В 1799 году был основан Королевский институт для «распространения знаний и содействия всеобщему применению полезных механических изобретений и усовершенствований». При обеих этих организациях для поддержки их деятельности имелись библиотеки.

Библиотеки играли ключевую роль в продвижении всеобщего образования, что шло на пользу не только отдельной

личности, но и обществу в целом. Столетие с лишним спустя Сильвия Панкхерст, вдохновенная поборница прав женщин, писала директору Британского музея, запрашивая допуск в читальный зал тамошней библиотеки: «...поскольку я желаю ознакомиться с различными правительственными публикациями и другими работами, к которым я не могу получить доступ иным способом». В конце своего сопроводительного письма она упомянула тему своей работы: «получение информации о занятости женщин» [17].

Акт о публичных библиотеках дал местным властям возможность учреждать общедоступные библиотеки и оплачивать их за счет «тарифов» (как тогда назывались местные налоги), но данная система была полностью добровольной. Лишь в 1964 году Акт об публичных библиотеках и музеях обязал местные власти обеспечивать библиотеки средствами, и данная система сегодня занимает вполне определенное место в общественном сознании как часть национальной инфраструктуры всеобщего образования [18].

Несмотря на это, публичные библиотеки в Великобритании несут на себе бремя давления, которое сменяющиеся друг друга правительства оказывают на доступные местным властям бюджеты [19]. Местным властям приходилось принимать весьма непростые решения, многие из которых сказывались на судьбе библиотек и архивов графств. В 2018–2019 годах в Великобритании работали 3583 публичные библиотеки по сравнению с 4356 в 2009–2010 годах, то есть 773 из

них закрылись. Чтобы оставаться открытыми, библиотеки во многих общинах все в большей степени зависят от волонтеров – число занятых в данном секторе упало до менее чем 16 000 [20].

За сохранение знаний ведется решительная борьба во всем мире. После падения режима апартеида в Южной Африке для оздоровления расколотого общества был принят подход, заключавшийся в том, чтобы «честно хранить память о страданиях прошлого, позволяя объединенной нации ссылаться на это прошлое как на побуждающую силу для великих преобразований» [21]. В качестве способа «обращения к тяжелому прошлому» была создана Комиссия по установлению истины и примирению [22]. Задача комиссии заключалась в поддержке общественных изменений мирным путем, при одновременном рассмотрении положительных и отрицательных сторон недавней истории, а также ее влияния на общество и на отдельных граждан. Помимо политических и юридических комиссии также ставила перед собой исторические, моральные и психологические цели. Одна из целей продвижения закона о национальном единстве и примирении состояла в том, чтобы установить «как можно более полную картину природы, причин и объема грубых нарушений прав человека». Партнером в данном случае выступал Национальный архив Южной Африки, персонал которого непосредственно обеспечивал надлежащее обращение к событиям прошлого и доступность информации для народа. В Юж-

ной Африке, однако, главное значение придавалось не открытию государственных архивов с целью показать «природу, причины и объем» происходившего, как было в Восточной Германии после краха коммунизма в 1989 году, но скорее самим слушаниям, где в процессе свидетельских показаний создавалась обширная устная история, образовавшая новый архив.

Чиновники южноафриканского режима апартеида массово уничтожали документы, что постоянно становилось препятствием для членов Комиссии по установлению истины и примирению. В своем последнем докладе они посвятили уничтожению записей целый раздел, прямо заявив: «История апартеида в числе прочего является историей систематического замалчивания тысяч голосов, которые могли стать частью памяти нации». Доклад возлагал вину на правительство: «Трагедия заключается в том, что бывшее правительство преднамеренно и систематически уничтожало гигантские объемы государственных документов в попытке избавиться от улик и таким образом приукрасить историю деспотического режима». Уничтожение документов подчеркивало критически важную роль, которую те играли: «Массовое уничтожение архивов... оказало серьезное воздействие на общественную память Южной Африки. Бесследно исчезло огромное количество официальной документальной памяти, особенно касавшейся внутренних механизмов государственного аппарата безопасности режима апартеида» [23].

В Ираке, как мы увидим в главе 12, многие имевшие ключевое значение документы были не уничтожены, а перевезены в Соединенные Штаты, где некоторые из них остаются до сих пор. Их возвращение может стать частью еще одного процесса «установления истины и примирения» в этой стране, столь истерзанной гражданской войной.

Библиотеки и архивы делят между собой ответственность за сохранение знаний для общества. Цель данной книги состоит не только в том, чтобы описать отдельные моменты, связанные с уничтожением подобных организаций в прошлом, но также в том, чтобы признать заслуги противостоявших этому библиотекарей и архивариусов, воздав им должное. Именно благодаря их труду знания передаются из поколения в поколение, давая возможность развиваться и искать в них вдохновение народу и обществу.

В своем знаменитом письме 1813 года Томас Джефферсон сравнивал распространение знаний с тем, как одну свечу поджигают от другой. «Тот, кто получает от меня некую идею, – писал Джефферсон, – получает от меня знания, никак не преуменьшая моих, так же как тот, кто поджигает свою свечу от моей, получает свет, никак не затемняя моего» [24]. Библиотеки и архивы играют роль свечи Джефферсона, являясь важнейшим источником идей, фактов и истины. История того, как они противостояли вызовам, охраняя огонь знаний и давая ему возможность освещать путь другим, весьма сложна.

В каждой из глав этой книги наглядно описываются многочисленные угрозы, которым подвергались знания на протяжении истории. Свеча Джефферсона продолжает гореть и сегодня благодаря выдающимся усилиям хранителей знаний: коллекционеров, ученых, писателей, и в особенности библиотекарей и архивариусов.

Глава 1

Глиняные черепки под курганами

Древнегреческий генерал и историк Ксенофонт излагает в своем самом известном труде «Анабасис», или «Отступление десяти тысяч», драматическую историю того, как он вывел заблудившееся войско из десяти тысяч греческих наемников из Месопотамии назад в Грецию. Ксенофонт описывает переход войска через центр нынешнего Ирака и его остановку на берегах реки Тигр, в месте, которое он называет Лариса [1]. Обозревая ландшафт, Ксенофонт отмечает огромный заброшенный город с высокими стенами. Оттуда они двинулись дальше, к другому городу, Меспиле, где, по утверждению Ксенофонта, «когда-то обитали мидяне». Именно здесь, по словам Ксенофонта, нашла убежище Медея, жена царя, пока персы осаждали их империю. Ксенофонт сообщает, что персидский царь не мог захватить город, пока Зевс не «обрушил гром и молнии на его жителей» [2].

То, что видел Ксенофонт посреди этого древнего пейзажа, являлось остатками городов Нимруд (Лариса) и Ниневия (Меспила). Города эти находились в самом сердце великой Ассирийской империи и процветали под властью прославленного грозного царя Ашшурбанипала. После смерти Ашшурбанипала Ниневия была разрушена совместными усилиями

ями вавилонян, мидян и скифов в 612 году до н. э. Ксенофонт путает ассирийцев (которые населяли город) и мидян (которые его захватили) с мидянами и персами, главной силой Востока в те времена, когда он писал [3].

Поразительна сама мысль, что Ксенофонт видел эти огромные курганы более двух тысячелетий назад и что руинам в то время уже было много веков, а события, приведшие к разрушению городов, казались смутными даже для этого великого историка. Греки считали себя создателями библиотек, и к тому времени, когда писал Ксенофонт, они играли весьма важную роль в греческом мире. Ксенофонт наверняка обрадовался бы, узнав о великолепной библиотеке, сохранившейся глубоко под землей, которой предстояло много лет спустя поведать историю ее древнего основателя Ашшурбанипала.

Потребовалось еще двадцать два столетия, прежде чем великая библиотека Ашшурбанипала была обнаружена. Благодаря ей удалось полностью восстановить историю этой империи (а также ее предшественников и соседей). Немалую роль сыграли археологические раскопки ассирийских поселений, но в особенности – найденные при этих раскопках документы.

Письменность воспринимается столь недавней технологией в долгой истории человечества, что возникает искушение предположить, будто большая часть древних цивилизаций полагалась в основном на устную передачу знаний. Эти

цивилизации, сосредоточенные вокруг области, известной ныне как Турция, Сирия, Ирак и Иран, оставили после себя не только обширные и впечатляющие физические свидетельства, но также документы, отчетливо доказывающие, что письменность наряду с устным общением существовала за столетия до появления цивилизаций Египта, Микен, Персии и в конечном счете Греции и Рима. Эти письменные свидетельства многое добавляют к нашим знаниям о тех культурах. Народы Ассирии и соседних с ними цивилизаций обладали высокоразвитой культурой документирования событий, оставив нам богатое интеллектуальное наследие.

В середине XIX века земли, описанные Ксенофонтом в конце V и начале IV века до н. э., стали предметом немалого интереса для соперничающих европейских имперских держав. Интерес этот помог восстановить развитую в тех цивилизациях культуру знаний, позволив в итоге обнаружить не только старейшие библиотеки и архивы на планете, но также и первые свидетельства покушений на информацию.

Британское присутствие в этом регионе изначально было связано с деятельностью одного из двигателей имперской экспансии, Ост-Индской компании, которая сочетала торговлю с установлением военной и дипломатической власти. Одним из ключевых ее сотрудников в регионе был Клавдий Джеймс Рич, одаренный знаток восточных языков и древностей, которого современники считали самым могущественным человеком в Багдаде после местного османского прави-

теля-паши. «...Некоторые даже сомневались, не поступает ли сам паша сообразно предложениям и советам господина Рича, а не в соответствии с пожеланиями своих собственных советников» [4]. Стремясь удовлетворить свою «ненасытную жажду увидеть новые страны» [5], Рич даже сумел в переодетом виде войти в Большую мечеть в Дамаске, что в то время для западного гостя было весьма непросто [6]. Рич активно путешествовал по региону и составил детальное описание его истории и древностей, создав собрание рукописей, которое после его смерти приобрел Британский музей. В 1820–1821 годах Рич впервые посетил раскопки в Ниневии и большой курган Куюнджик (как его называли османские турки), находившийся в центре ассирийского города. Во время своего визита Рич откопал клинописную табличку, сохранившуюся от дворца Ашшурбанипала, – первую из десятков тысяч, впоследствии обнаруженных на этом месте.

Рич продал свою коллекцию откопанных любительским образом артефактов Британскому музею. Прибытие в Лондон первых клинописных табличек вызвало взрыв интереса к этому региону и рассуждений о том, какие еще сокровища могут скрываться в той земле. Коллекцию увидел в Лондоне Жюль Моль, секретарь Французского азиатского общества, который также читал опубликованные отчеты Рича. Моль незамедлительно убедил французское правительство послать свою собственную экспедицию в Месопотамию, ради соперничества с Британией во славу французской науки.

В Мосул в качестве консула отправили французского ученого Поля-Эмиля Ботта, дав ему достаточно средств для проведения собственных раскопок, начавшихся в 1842 году. То были первые проведенные в регионе серьезные раскопки, и публикация их результатов в Париже в роскошно иллюстрированной книге «Monument de Ninive» (1849), снабженной рисунками художника Эжена Фландена, прославила их среди европейских элит. Мы не знаем точно, где и когда, но страницы этой книги в какой-то момент со все возрастающим удивлением листал молодой британский искатель приключений по имени Остин Генри Лейард.

Лейард вырос в Европе в богатой семье и провел детство в Италии, где запоем читал книги. Наибольшее впечатление на него произвели «Сказки тысячи и одной ночи» [7]. Со временем он полюбил древности, изящные искусства и путешествия. Повзрослев, он отправился странствовать по Средиземному морю, через Османскую империю, посетив в итоге страну, которую мы называем сегодня Ирак, сперва в обществе старшего товарища, англичанина по имени Эдвард Митфорд, а затем в одиночку. Добравшись до города Мосул, Лейард встретился с Ботта, который рассказал ему о своих открытиях в кургане Куюнджик. Возможно, именно там он увидел экземпляр книги «Monument de Ninive» [8], вдохновившей его начать раскопки, используя в качестве рабочей силы местных жителей, число которых достигало ста тридцати. Несмотря на то что археология как наука в то время нахо-

дилась в зачаточном состоянии, его усилия оказались удивительно профессиональными и продуктивными. Исследования Лейарда сперва финансировал частным образом Стратфорд Каннинг, британский посол в Константинополе, так как раскопки стали предметом соперничества между Францией и Британией. В течение шести лет командой местных рабочих руководил и оказывал ей поддержку Ормуз Рассам, христианин-халдей из Мосула, брат британского вице-консула. Лейард и Рассам стали не только коллегами, но и близкими друзьями. С 1846 года Рассам исполнял роль секретаря и казначея на раскопках Лейарда, но вместе с тем вносил и немалый интеллектуальный вклад. Участием Рассама в этих сенсационных раскопках придается меньше внимания, чем оно того заслуживает, отчасти потому, что ему недоставало деловой хватки, чтобы продвигать себя посредством быстрых публикаций о своих находках, отчасти же потому, что некоторые его успехи подвергались очернению со стороны расистов, а последние годы его жизни были омрачены судебными тяжбами и утратой иллюзий. Организационные способности Рассама позволили раскопкам Лейарда стать выдающимся успехом, но помимо этого Ормуз Рассам внес свой вклад и в расшифровку клинописи. А после того, как Лейард вернулся в Британию, намереваясь сделать карьеру в политике, Рассам продолжил руководить крупными археологическими раскопками в Ираке, которые финансировал Британский музей [9].

В процессе раскопок были найдены огромные помещения, заполненные глиняными табличками. Лейард и его команда обнаружили не просто разрозненные фрагменты сведений об Ассирийской империи, перед ними во всей красе открылась Великая библиотека Ашшурбанипала. Около 28 тысяч табличек были перевезены в Британский музей, еще тысячи находятся теперь в других собраниях [10].

Помещения заполняли таблички высотой до фута; некоторые были разбиты на куски, но большинство сохранились нетронутыми в течение тысячелетий. В одном из помещений, «охранявшемся богами-рыбами», как писал Лейард, «находились указы ассирийских царей, а также архивы империи» [11]. Он предположил, что на многих из них содержатся исторические сведения о войнах, а «на некоторых, похоже, царские указы, и на них стоит печать с именем царя, сына Асархаддона; другие же, разделенные горизонтальными линиями на параллельные колонки, содержат перечни богов и, вероятно, реестр сделанных в их храмах жертвоприношений» [12]. Особо выделялись два фрагмента глиняных печатей с царскими символами египетского царя Шабак и ассирийского монарха (вероятно, Синнахериба). Лейард предполагал, что они могли украшать собой мирный договор. Подобного рода находки положили начало процессу подведения документальной базы под события, ранее считавшиеся легендарными. Исследования языка, литературы, верований и общественной организации этих древних цивили-

лизаций продолжают по сей день.

Мне довелось держать в руках некоторые месопотамские глиняные таблички и лично оценить те первопрородческие способы, с помощью которых наши предки документировали знания. Я изучал ряд табличек, хранящихся в музее Эшмола в Оксфорде, по которым видно, насколько развитой была культура того времени. Первыми в хранилищах музея появились маленькие овальные таблички с раскопок в Джемдет-Наср на юге Ирака. Таблички эти весьма практичны, их форма рассчитана на то, чтобы легко помещаться в ладони. Информацию наносили на глину, пока та была еще влажной. Вероятно, эти таблички, содержавшие административные сведения, в основном о количестве проданной продукции (к примеру, на одной из табличек изображены ослы, перед которыми стоит цифра семь, что означает «семь ослов»), выбрасывались после использования, поскольку были найдены в виде сваленных в углу помещения обломков. Другие шли в отходы, использовавшиеся для заделки стен или какой-то другой части здания во время ремонта. На протяжении всей истории записи подобного рода зачастую уцелевают лишь случайно, и древняя Месопотамия в этом смысле не исключение.

Куда интереснее были таблички, которые не выбрасывались, но сохранялись и использовались снова. Я с восхищением смотрел на таблички чуть побольше, содержавшие более плотно нанесенные надписи. Эти квадратные таблички

известны как «библиотечные» документы, поскольку они содержат литературные или общекультурные тексты на темы от религии до астрологии и рассчитаны на то, чтобы их хранили для чтения в течение долгого времени. На одной из литературных табличек даже имеются выходные данные: писец записывал подробности о самом документе – о чем текст, кем был писец, где и когда он работал (переписыванием почти всегда занимались мужчины). Эти подробности, наподобие титульных страниц современных книг, указывают, что таблички должны были храниться вместе с другими, и конкретные данные помогали отличить содержание одной таблички от другой. Можно сказать, это своего рода древнейшая разновидность метаданных.

Содержимое уцелевших табличек свидетельствует, что имелись и другие виды архивных документов – сведения об административной и бюрократической деятельности. Группа совсем маленьких табличек, во многом похожих на печенье к завтраку, представляла собой своеобразные «удостоверения личности посыльных», которые забирали или доставляли те или иные товары: посыльный держал их в кармане или в сумке и предъявлял по прибытии. Не вполне ясно, почему они сохранились и не были употреблены для ремонтных работ, – вполне возможно, их предполагалось использовать в дальнейшем.

Благодаря почти двум столетиям археологических раскопок мы теперь знаем, что у этих древних народов име-

лась развитая культура, предусматривающая поддержку библиотек, архивов и писцов. По мере того как формировались древнейшие цивилизации, переходя от кочевничества к оседлому существованию, возникала потребность в фиксации устного общения и сохранении знаний. В те времена, когда работала библиотека Ашшурбанипала, использовавшиеся тяжелые и громоздкие таблички требовали соответствующих помещений, подобных тем, что обнаружил Лейард, где можно было делать копии и получать информацию. Со временем ученые обнаружили свидетельства того, что таблички хранились в каталогизированном и упорядоченном виде.

В 1846 году Лейард начал отправлять материалы в Британию, и его находки, когда о них стало известно в Лондоне, незамедлительно вызвали сенсацию. Давление со стороны общества, подпитываемое новостями в прессе, помогло изменить взгляды совета Британского музея, который согласился финансировать последующие экспедиции, отчасти под воздействием политиков, рассматривавших успех раскопок как победу над их соперниками-французами. Лейард стал национальным героем, получив прозвище «Лев Ниневии», и смог благодаря своей новообретенной славе сделать карьеру писателя и политика. Вероятно, обнаружение библиотеки Ашшурбанипала стало самой важной его находкой. Скульптуры, керамика, драгоценности и изваяния, выставленные теперь в крупных музеях Лондона, Берлина, Нью-Йорка и Парижа, ошеломляют с эстетической точки зрения, но рас-

шифровка содержавшихся в собраниях библиотеки сведений воистину изменила наши представления о древнем мире.

После изучения найденных при раскопках табличек становится понятно, что царская библиотека Ашшурбанипала, возможно, была первой попыткой собрать под одной крышей весь корпус доступных на тот момент сведений. Библиотека состояла из трех основных групп: литературных и научных текстов, вопросов к оракулам и записей пророчеств, а также писем, отчетов, данных переписей, контрактов и прочих разновидностей управленческой документации. Большое количество тамошних материалов (как и во многих других древних библиотеках, обнаруженных в Месопотамии) касались предсказаний будущего. Ашшурбанипал желал, чтобы имевшиеся в его библиотеке сведения помогали ему решать, когда лучше всего отправиться воевать, жениться, завести ребенка, посеять урожай или совершить какой-либо иной жизненно необходимый акт. Библиотеки были необходимы для будущего благодаря собранному в них знаниям о прошлом, которые оказывались в руках тех, кто принимал решения; в Ниневии важнейшим из таковых являлся Ашшурбанипал.

Литературные тексты охватывали широкий диапазон тем – от религиозных, медицинских и магических до исторических и мифологических. Все они были четко упорядочены по тематике с имевшимися на них соответствующими пометками, которые сегодня можно рассматривать как ката-

ложные записи или даже метаданные. Их хранили как постоянный источник ссылок, в то время как архивные материалы носили более временный характер, будучи средством решения судебных споров о земле и собственности [14]. К числу важнейших открытий, сделанных Лейардом и Рассамом в Ниневии, относится ряд табличек, содержащих текст одного из древнейших сохранившихся литературных произведений, «Эпоса о Гильгамеше». В Ниневии были найдены несколько разных наборов табличек, свидетельствующих, что одним и тем же имевшим ключевое значение текстом владели в течение многих поколений, сохраняя его и передавая от одного царя к другому, даже с пометкой, что он написан собственноручно Ашшурбанипалом.

Изучая археологические находки содержимого месопотамских архивов и библиотек, а также тексты на найденных табличках, мы можем опознать четкую традицию упорядочения знаний и даже личности профессионалов, отвечавших за эти собрания. В отличие от сегодняшнего дня, когда профессиональные роли архивариуса и библиотекаря отчетливо выделяются на фоне других, в древних сообществах это проявлялось не столь явно. Библиотеки, подобные собранию Ашшурбанипала, свидетельствуют о желании управлять информацией, а также позволяют понять, какую ценность представляли знания для правителей и насколько велика была их решимость добыть эти знания любыми средствами.

Проводившиеся в течение последних 40 лет исследования

царской библиотеки Ашшурбанипала показывают, что она создавалась не только посредством копирования писцами, но также за счет информации, захваченной в соседних государствах. Сведения об этом основываются на различных источниках, обнаруженных при раскопках в последние десятилетия и неизвестных Лейарду или первопроходцам клинописи. Таблички, в которых сообщается о насильственном завладении материалами для библиотеки, – возможно, древнейшие предтечи того, что мы теперь называем перемещением или миграцией архивов (о чем пойдет речь в главе 11), практики, имевшей место в течение тысячелетий. Немалое количество уцелевших табличек из библиотеки Ашшурбанипала появились в ней именно таким путем [15].

Представление о подобной практике становилось все более полным по мере обнаружения новых табличек в процессе раскопок в других регионах, таких как Борсиппа в нынешнем Южном Ираке. В I тысячелетии до нашей эры Борсиппа была частью Вавилонской империи, поработанной Ассирией. Раскопанные там таблички содержат более поздние копии письма, изначально отправленного из Ниневии некоему посреднику по имени Шадуну которому было поручено посетить дома ряда ученых и «собрать все таблички, хранящиеся в езидском храме» (храм Набу в Борсиппе, главным образом посвященный науке) [16]. Присутствует подробный список желаемого, из чего можно предположить, что Ашшурбанипал знал о том, что может оказаться в личных со-

браниях ученых [17]. Указания Ашшурбанипала были четкими и не терпящими возражений:

...все, что требуется для дворца, чем бы оно ни являлось, и все редкие таблички, которые тебе известны, и которых нет в Ассирии – отыщи их и доставь мне!.. А если найдешь любую табличку или описания ритуалов, о которых я тебе не писал, но которые пригодятся для дворца, – возьми их тоже и пришли мне... [18]

Данное письмо подтверждает свидетельства из других табличек в Британском музее, что Ашшурбанипал не только занимался конфискацией, но и платил ученым, чтобы те отдали свои таблички или скопировали некоторые из своих, а также другие из знаменитого собрания в Борсиппе, славившейся искусными переписчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.